

и ее сестры — пострижены в монахини. После восшествия на престол Елизаветы Петровны опальные сестры Долгоруковы были возвращены ко двору и выданы замуж. Увы, и тут бывшая царская невеста не обрела счастья. В 1745 г., вскоре после свадьбы с поручиком графом А. Р. Брюсом, она скоропостижно скончалась. По преданию, перед смертью она приказала сжечь все свои платья, чтобы никто после нее не смог их носить³⁷.

Подробности несостоявшегося брака Петра II с княжной Екатериной Долгоруковой неожиданно оказались злободневными сто пятьдесят лет спустя. Рассказ о царской невесте в это время представлял отнюдь не романтической сказкой³⁸, а мрачной историей алчности и властолюбия горстки людей, которые привели Петра II к ранней смерти, а Россию — к жестокому правлению Анны Иоанновны. Неудивительно, что упоминаниям о невесте Петра II не нашлось места в романтической версии «романа императора». Память о первой Екатерине Долгоруковой приобрела форму мрачного пророчества: преждевременная смерть ждет того из Романовых, кто женится на Долгоруковой. Великий князь Александр Михайлович в воспоминаниях пересказал разговоры в петербургских салонах в 1880 г.: «Разве он [Петр II] не погиб в день, назначенный для бракосочетания с роковой княжной Долгоруковой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?»³⁹ Голоса скептиков, справедливо замечавших, что в первой трети XVIII в. не умели лечить оспу, были заглушены взрывами 1 марта 1881 г.

Глава 3. «Порченное племя»

Среди Долгоруковых, уцелевших во время следствия 1738 г. и возвращенных Елизаветой Петровной из ссылки, особая судьба была у самого младшего брата царской невесты Александра. В 1738 г. юноша, которому едва исполнился 21 год, дал показания, «компрометировавшие всю семью»⁴⁰. Сложно представить, чтобы его признания могли быть более опасными для родственников, чем рассказ Ивана Долгорукова о подложном завещании Петра II. В тюрьме Александр пытался покончить с собой, после выздоровления был публично бит кнутом и по урезанию

³⁷ См.: *Игнатьев Р.* Из жизни государыни-невесты Е. А. Долгоруковой // Русский архив. 1866. Вып. 1. Ст. 38–46.

³⁸ В таком виде она представлена в фильме 1970 г. «Баллада о Беринге и его друзьях».

³⁹ Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / предисл. и коммент. А. Виноградова. М., 1991. С. 48.

⁴⁰ Записки князя Петра Долгорукова / пер. с фр. А. Ю. Серебрянниковой, вступ. ст. С. Н. Исколя. СПб., 2007. С. 429.

языка сослан на Камчатку. П. В. Долгоруков, ссылаясь на семейные рассказы, писал, что семья Александра не простила, после возвращения из ссылки общаться с ним не желала, а его детей и внуков называла не иначе как «порченное племя»⁴¹.

Недоразумения с дядьями и двоюродными братьями, если они и были, не оказали серьезного влияния на жизненные успехи Александровичей. После смерти князя Александра в 1783 г. три его сына поделили семейные вотчины. Старший из них, князь Александр Александрович, сделал блестящую карьеру, став тайным советником и сенатором. Его чуть менее успешный в восхождении по служебной лестнице брат Михаил, гвардейский капитан и действительный камергер, оказался более счастливым в семейной жизни и в финансовых делах. В 1805 г. он оспорил завещание старшего брата, отписавшего дом в Москве своим побочным детям от крепостной⁴². Четверым детям Михаила вообще досталось все наследие деда, поскольку их дядя, полковник Фёдор Александрович, был холостяком и законных наследников не оставил.

Второй сын Михаила Александровича, названный в честь отца Михаилом, приходился Е. М. Юрьевской родным дедом. Репутация князя, однако, была такова, что о нем в семье его сына предпочитали не вспоминать.

Поначалу судьба исключительно благоприятствовала М. М. Долгорукову. Карьерные успехи, которым он был обязан связям отца и дядей, были закреплены блестящим великосветским браком с крестницей Екатерины II С. О. де Рибас, дочерью основателя Одессы. Правда, отец невесты промотал большую часть состояния, доставшегося его жене от И. И. Бецкого⁴³. Тем не менее Софья Осиповна принесла мужу в качестве приданого дворец в Петербурге на Миллионной улице, построенный для И. И. Бецкого архитектором Ж.-Б. Валлен-Деламотом, а теща — связи при дворе и дружбу влиятельных лиц. Самому Михаилу Михайловичу при разделе отцовского наследства достались дом в Москве, подмосковные имения, а также поместья в Рязанской и Тамбовской губерниях. По 8-й ревизии 1835 г. за ним числились 2152 души, приносящие в худшие времена, когда дела были расстроены нерачительным управлением, до 48 тысяч годового дохода⁴⁴.

Строить карьеру и наслаждаться семейным благополучием М. М. Долгорукову помешали не столько склонность к «проказам», выходящая за всякие грани, буйный нрав и чрезвычайная жестокость, сколько потеря «случая» и семейные распри. Высот карьеры л.-гв. Литовского полка

⁴¹ Там же. С. 434.

⁴² Мельцин М. О. Судьбы старинного российского дворянства. С. 129.

⁴³ Анастасия Ивановна Соколова была воспитанницей (по некоторым версиям внебрачной дочерью) И. И. Бецкого и близкой подругой Екатерины II.

⁴⁴ Справка министерства юстиции по делам князя М. М. Долгорукова, март 1839 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1832). Д. 394 (По просительному письму находящегося в гор. Вятке под надзором полиции отставного капитана гвардии Михаила Долгорукова о злоупотреблениях опекунов имения его). Л. 80.

Дом И. И. Бецкого, Миллионная ул., 2
Гравюра С. Ф. Галактионова
«Вид Царицына луга от Летнего сада в Петербурге», 1821
Государственный Эрмитаж

штабс-капитан достиг в качестве адъютанта генерала от инфантерии А. И. Горчакова 1-го, с 1812 г. управлявшего военным министерством. Конец карьеры А. И. Горчакова, снятого с поста в 1815 г. в связи с обнаружившимися хищениями и злоупотреблениями в военном ведомстве, повлек за собой отставку его адъютанта, но без скандала, с повышением в чине и оставлением мундира.

Получив полную свободу, М. М. Долгоруков жил то в Петербурге, то в Москве или подмосковных вотчинах. Его главная беда состояла в неверной оценке своего состояния: князь жил не по средствам, полагая, что получает с имений до 200 тысяч руб. годового дохода⁴⁵. Иллюзия поддерживалась при помощи постепенного заклада имущества в опекунские советы. Не позднее 1826 г. за 85 200 руб. был заложен дом в столице, та же участь постигла все имения. Копились недоимки: в 1835 г. самое большое и доходное тамбовское имение Вячки по невыплаченным с 1829 г. недоимкам было назначено опекунским советом к продаже с публичных торгов. Когда семья доходила до крайности, в заклад ростовщикам шли золотые и бриллиантовые вещи⁴⁶. Поправить дела князь пробовал, сдавая часть дворца на Миллионной, но жильцы не выдерживали беспокойного хозяина, который сумел рассориться даже с саксонским посланником, снимавшим у него квартиру⁴⁷.

В столичную полицию десятками поступали жалобы на угрозы и побои, наносимые заимодавцам, рискнувшим прийти к князю за деньгами⁴⁸. М. М. Долгоруков состоял под судом за то, что «тихим образом переменял картины, взятые им от г. Панафидина»⁴⁹. Во время этого разбирательства в декабре 1824 г. возникло новое дело об оскорблении директора департамента Министерства юстиции действительного статского советника И. Ф. Журавлёва, сообщившего М. М. Долгорукову решение министра по его делу. Поскольку оскорбление было нанесено в присутственном месте «во время отправления должности», Сенат рассмотрел дело в рекордные сроки и приговорил князя к денежному штрафу в 500 руб., а также обязал публично принести извинения И. Ф. Журавлёву⁵⁰.

С 1818 г. московским и петербургским властям поступали жалобы на князя от его дворни. Первых жалобщиков московский обер-полицмейстер

⁴⁵ Справка министерства юстиции по делам князя М. М. Долгорукова, март 1839 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1832). Д. 394 (По просительному письму находящегося в гор. Вятке под надзором полиции отставного капитана гвардии Михаила Долгорукова о злоупотреблениях опекунов имения его). Л. 80.

⁴⁶ Журнал Комитета министров по жалобам на князя Долгорукова дворовых его людей в жестоком с ними обращении, 21 марта 1825 // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1 (1825). Д. 415. Л. 569 об.

⁴⁷ Там же. Л. 576.

⁴⁸ Там же. Л. 582.

⁴⁹ Там же. Л. 574 об.

⁵⁰ Журнал Комитета министров с представлением всеподданнейшего рапорта Правительствующего Сената об отставном гвардии капитане князе Долгорукове, 29 июля 1825 // Там же. Д. 420а.

Д. И. Шульгин приказал «слегка наказать розгами» и одновременно просил М. М. Долгорукова не сечь дворовых людей собственноручно, а сдавать их для этого в полицию⁵¹. К властям дворовые вновь рискнули обратиться только в 1823 г. Следствие по их жалобе производили полицмейстер Чихачёв и плац-майор Гартон. Просьбу самих ходоков полицмейстер нашел «неуважительною», но при осмотре дома им был обнаружен лежащий в постели крепостной Тимофеев, который жаловался на «побои, четыре дня сряду ему деланные». При освидетельствовании штаб-лекарь не нашел у Тимофеева «боевых знаков», так что его жалобу проигнорировали. Очевидные следы побоев («сине-багровые знаки от ременного кнута») были найдены у кучера Григория. Полицмейстер, в одно время с М. М. Долгоруковым служивший адъютантом при А. И. Горчакове, после нескольких обедов с приятелем прекратил расследование и распорядился наказать жалобщиков при полиции⁵². Тем не менее из-за битого кучера уже петербургский военный генерал-губернатор потребовал от князя, чтобы тот сам людей не сек, угрожая ему опекой.

Внушения на М. М. Долгорукова не подействовали. Через год четверо дворовых пошли с жалобами к губернатору: хозяин «наказывает из своих рук ежечасно», от чего битые лежат «замертво по суткам»⁵³. Разбиравший дело Комитет министров пришел к заключению, что, хотя прямых доказательств вины князя нет, настойчивость, с которой дважды поротая в полиции дворня жалуется на хозяина, заслуживает внимания. Решение было вынесено не столько вследствие жалоб крепостных, которые в целом были признаны «неосновательными», сколько потому, что другие поступки князя «возбудили негодование». Над ним был учрежден полицейский надзор, битая дворня возвращена обратно, но с владельца была взята подписка, «чтоб он обращался с людьми своими кротко и человеколюбиво»⁵⁴.

В феврале 1826 г. Комитет министров, в очередной раз обсудив «буйства» князя, постановил выслать его из Петербурга «для чести фамилии»⁵⁵. Последняя формулировка указывает, что в семье М. М. Долгорукова были лица, заинтересованные в наказании родственника. Позднее, из пермской ссылки, он писал министру внутренних дел, что во всех несчастиях «виновата его родная сестра» Елена Михайловна, жена свиты генерал-майора С. Т. Творогова. По его словам, она воспользовалась связями при дворе, чтобы «отомстить» брату и его жене, которых «ненавидела», а заодно поправить собственные запутанные денежные дела. Связи у Е. М. Твороговой, по-видимому, действительно были обширные. Другой ее брат,

⁵¹ Журнал Комитета министров... 21 марта 1825 // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1 (1825). Д. 415. Л. 563 об.–564.

⁵² Там же. Л. 566.

⁵³ Там же. Л. 568 об.

⁵⁴ Заключение Комитета министров, 21 марта 1825 // Там же. Л. 579–582 об.

⁵⁵ Журнал комитета министров... 5 февраля 1826 // Там же. Оп. 1 (1826). Д. 463. Л. 68.

полковник П. М. Долгоруков, полагал, что по прошениям на имя Николая I сестра способна получить все, что пожелает⁵⁶.

В подмосковном имении «вместо того, чтобы восчувствовать неоднократно оказанные ему снисхождения»⁵⁷ князь продолжал вести себя «неприлично», заводил ссоры, не платил долги, бил дворню. 8 августа 1827 г. умерла Софья Осиповна, после чего князь пустился во все тяжкие. В 1830 г. Николай I распорядился выслать М. М. Долгорукова в Вятку. В этом решении, скорее всего, также можно увидеть влияние Е. М. Твороговой. Она, а не П. М. Долгоруков, была назначена опекуном четырнадцатилетнего племянника Михаила. В 1832 г. М. М. Долгоруков жаловался министру внутренних дел: сестра «насильно» заняла дом на Миллионной и стала «драгоценности, находящиеся в оном доме, как то картины, вещи, продавать и деньги себе брать»⁵⁸.

М. М. Долгоруков прибыл в Вятку 3 июля 1831 г. В первом же донесении в Петербург местный губернатор Е. Е. Рынкевич сообщал о безобразном поведении поднадзорного. По дороге он в припадке гнева пытался застрелить сопровождавшего его квартального поручика Лаврова, а сразу по приезде «покровавил до чрезвычайности» лицо своей дворовой женщине и «надорвал ухо» крепостному мальчику⁵⁹. Возможно, у М. М. Долгорукова были какие-то старые счеты с бывшим московским вице-губернатором, который теперь управлял Вяткой. Во всяком случае, после первого же скандала Е. Е. Рынкевич запросил Петербург, дозволено ли ему держать князя Долгорукова под арестом и «надеть на него рубашку с длинными рукавами, назначенную употреблять над умалишенными»⁶⁰. По докладу А. Х. Бенкендорфа в августе 1831 г. Николай I распорядился отобрать у М. М. Долгорукова дворовых.

В октябре 1831 г. Вятка стала местом ссылки для участников польского восстания, а М. М. Долгоруков выслан в Пермь. Там повторилось то же самое: князь избивал вольнонаемную прислугу, нанес оскорбление городничему не просто во время исполнения тем обязанностей, но «при нижних чинах и прочих людях»⁶¹. Местное общество подвергло ссыльного немислимому унижению: ему запретили посещать Благородное собрание, единственное в городе место встречи «чистой публики». В ответ он угрожал директору собрания князю Максутову «своротить на сторону

⁵⁶ Копия письма Н. Н. Николева М. М. Долгорукову, 1832 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1832). Д. 394. Л. 25.

⁵⁷ Копия отношения А. Х. Бенкендорфа Московскому генерал-губернатору // Там же. Оп. 5 (1831). Д. 579. Л. 16.

⁵⁸ Прощение М. М. Долгорукова министру внутренних дел, 23 марта 1832 // Там же. Оп. 5 (1832). Д. 394. Л. 1 об.

⁵⁹ Представление Вятского гражданского губернатора министру внутренних дел, 8 июля 1831 // Там же. Оп. 5 (1831). Д. 579. Л. 2.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Представление Пермского гражданского губернатора министру внутренних дел, 3 января 1834 // Там же. Л. 37.

рыло»⁶². Попытка губернатора по примеру вятских властей сбывать с рук беспокойного поднадзорного, выслав в Сибирь, не удалась. Министр внутренних дел Д. Н. Блудов посчитал, что князь «везде равно будет вреден, если не будут приняты меры местным начальством к его воздержанию»⁶³. В январе 1833 г. губернатор Г. К. Селастенник, отчаявшись, послал к М. М. Долгорукову врача, чтобы «под рукой» освидетельствовать его душевное здоровье. Видимо, он тоже начал задумываться о несомненной пользе смирительной рубашки. Доктор нашел М. М. Долгорукова здоровым, но оскорбленным поведением опекунов его имений, не высылавших денег⁶⁴.

Все имения М. М. Долгорукова в 1830 г. были взяты в опеку, но доходами с них хозяин мог распоряжаться свободно и единолично. Опекуном московских имений стал его двоюродный брат полковник л.-гв. Павловского полка Н. Н. Николев⁶⁵, старавшийся всячески его поддерживать. В Рязанской и Тамбовской губерниях местные дворянские опеки назначили опекунов из ближайших соседей: те должны были управлять имениями, получая за это 5 % дохода. Уже в 1832 г. М. М. Долгоруков жаловался министру внутренних дел, что опекунами его имений выбраны люди, не имеющие собственных доходов и «обирающие» его. В доказательство он приводил отчет своего управляющего о «растратах и ущербах»⁶⁶. Жалобы князя не были проигнорированы, но сменявшиеся в тамбовском имении опекуны были, по мнению местного губернатора, один хуже другого⁶⁷. Опека вообще, если она не доставалась близким родственникам или друзьям, превращалась для владельцев в подлинное бедствие. Опекуны зачастую стремились поправить дела собственного хозяйства, привлекая соседских крепостных для работы на своих полях и свозя урожай в свои амбары, так что через несколько лет у взятых в опеку имений были все шансы пойти с молотка.

⁶² Представление Пермского гражданского губернатора министру внутренних дел, не позднее сентября 1834 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1831). Д. 579. Л. 42.

⁶³ Отношение Министра внутренних дел Пермскому гражданскому губернатору, 1834 // Там же. Л. 38.

⁶⁴ Представление Пермского гражданского губернатора министру внутренних дел, 31 января 1833 // Там же. Л. 17–17 об.

⁶⁵ Н. Н. Николев был сыном Екатерины Александровны Долгоруковой, родной сестры М. А. Долгорукова. А. А. Долгоруков дочь не жаловал и лишил ее наследства, когда она вышла замуж за поэта Н. П. Николаева. Покровитель ее мужа граф П. И. Панин описывал в письме подробности скандала: князь А. А. Долгоруков лишил дочь своего и материнского имения, «чтобы сносила она с терпением, когда он раздаст оное побочным детям от своей холопки, которую держит явною наложницею; да и для чего дочь его нарушила и тем целомудрие свое, что вышла замуж в двадцати семи годах за дворянина, и народила детей, а не по примеру его от холопа» (П. И. Панин — А. Б. Куракину, 14 марта 1771 // Дружинин П. А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину. М., 2002. С. 286).

⁶⁶ Копия письма И. Мезенцева М. М. Долгорукову, 16 марта 1832 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1832). Д. 394. Л. 7–8.

⁶⁷ Представление Тамбовского гражданского губернатора министру внутренних дел, 23 сентября 1833 // Там же. Л. 58 об.

Поскольку все имения М. М. Долгорукова были заложены в казну, большая часть доходов с них шла на уплату долгов. В 1833 г. из 4500 руб. с тамбовского имения 2992 руб. 58 к. были уплачены Санкт-Петербургскому опекунскому совету, 745 руб. — пермским заимодавцам, так что князю осталось только 750 руб.⁶⁸ В этом же году Н. Н. Николев, после уплаты всех долгов, выслал кузену 2000 руб., рессорные дрожки стоимостью 748 руб. 50 к. и одежду на сумму 400 руб.⁶⁹ М. М. Долгоруков не слишком благо-разумно обращался с поступающими деньгами. В феврале 1833 г. в Перми он впал в «крайность», заложив ростовщику даже теплые вещи. По отзыву жандармского полковника, поднадзорный «со времени прибытия в Пермь <...> прожил или лучше сказать промотал более 15 тысяч рублей»⁷⁰.

С 1833 г. по указу Николая I имения М. М. Долгорукова были объединены в одну опеку под надзором московского губернского предводителя дворянства графа А. И. Гудовича. С этого момента деньги стали поступать в Пермь аккуратно: в 1834 г. — 6294 руб. 40 к., в 1835 г. — 7986 руб. 75 к., 1836 г. — 8600, 1837 г. — 6078 и в 1838 г. — 3212 руб. Князь, однако, опекой был недоволен, делал опекунам и самому А. И. Гудовичу «беспрестанные неприятности и оскорбления» и писал бесконечные жалобы. На самом деле опека совершала чудеса, пытаясь спасти заложенное имущество от продажи с торгов, в том числе получила Высочайшее разрешение на приостановление продажи дома в Петербурге⁷¹. В 1839 г. А. И. Гудович как милости просил избавить его от обременительных и неприятных обязанностей⁷².

Между тем Пермь была не последней остановкой на пути беспокойного М. М. Долгорукова на восток. Получив отказ из Петербурга, Г. К. Селастенник нашел свой способ избавить губернский город от скандалов и в августе 1834 г. отправил поднадзорного в Верхотурье. Как писал о Верхотурье А. И. Герцен, «это место стоит Берёзова по климату, — оно хуже Берёзова — по пустоте»⁷³. Накануне отъезда М. М. Долгоруков сумел отомстить изгнавшему его пермскому обществу. Под видом примирительного обеда он накормил своих гостей пирогом, начинка для которого была приготовлена из его датского дога Гарди, в доказательство чего обедавшим сразу после угощения была продемонстрирована шкура собаки — «полгорода занемогло от ужаса»⁷⁴.

⁶⁸ Представление Тамбовского гражданского губернатора министру внутренних дел, 6 мая 1833 // Там же. Л. 50–50 об.

⁶⁹ Представление Московского гражданского губернатора министру внутренних дел, 11 октября 1833 // Там же. Л. 59 об.

⁷⁰ Выписка из донесения исправляющего должность начальника 4 округа корпуса жандармов полковника Маслова, 16 февраля 1833 // Там же. Л. 35.

⁷¹ Справка, март 1839 // Там же. Л. 70 об.

⁷² Представление Московского гражданского губернатора министру внутренних дел, 3 марта 1839 // Там же. Л. 71.

⁷³ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 1–3. М., 1958. С. 244.

⁷⁴ Там же.

В новой ссылке князь опускался все сильнее, бражничал и дрался с местными чиновниками. В феврале 1837 г. к нему была приставлена казачья команда, чтобы не допускать до буйных поступков⁷⁵. Летом этого же года губернатор писал в Петербург: «...поставленных для присмотра за ним казаков не пускает в комнаты и когда они стараются удерживать Долгорукова от бесчинства, то причиняет им побои или же бросается на них с ножом»⁷⁶. Просьбы губернатора выслать неисправимого князя в Сибирь или на Кавказ, равно как просьбы самого М. М. Долгорукова перевести его в Тамбов, Екатеринбург или дозволить вновь служить в армии оставались без ответа. В 1841 г. в возрасте пятидесяти одного года М. М. Долгоруков умер в Верхотурье.

Вероятно, слава скандального князя постепенно утихла бы в столицах, а известия о его новых выходках навсегда осели бы в делах министерства внутренних дел, если бы не стечение обстоятельств. Летописцем пермских походов М. М. Долгорукова, в том числе знаменитого прощального обеда, стал А. И. Герцен. Публикация в 1868 г. «Былого и дум» воскресила память об «избалованном, дерзком, отвратительном забавнике»⁷⁷. Благодаря этой книге М. М. Долгоруков стал самым знаменитым неполитическим ссыльным России. Его известность была настолько велика, что дальнему родственнику, П. В. Долгорукову, приходилось доказывать в Париже, что обед с собачатиной давал не он⁷⁸. Вполне понятно, почему сын и внуки ссыльного князя предпочитали о нем не вспоминать. Кроме скандальной славы, пятном ложившейся на ближайших родственников, у М. М. Долгорукова-младшего были к отцу претензии, связанные не столько с честью семьи, сколько с попорванными финансовыми интересами.

Глава 4. Карьера ротмистра

Когда в 1830 г. Николай I решил судьбу М. М. Долгорукова-отца, его единственный сын должен был быть зачислен экстерном в Пажеский корпус, самое престижное военное учебное заведение империи⁷⁹. По неизвестным причинам в корпус юноша не попал, более того, опекунша

⁷⁵ Представление Пермского гражданского губернатора министру внутренних дел, 25 февраля 1837 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1832). Д. 394. Л. 73.

⁷⁶ Представление Пермского гражданского губернатора министру внутренних дел, 29 июля 1837 // Там же. Л. 77.

⁷⁷ Герцен А. И. Былое и думы. С. 244.

⁷⁸ Записки князя Петра Долгорукова. С. 54.

⁷⁹ Копия отношения А. Х. Бенкендорфа Московскому генерал-губернатору // РГИА. Ф. 1286. Оп. 5 (1831). Д. 579. Л. 16.